

В ряду книг, выпущенных фондом «Возрождение Тобольска» (многие из них стали лауреатами престижных премий), книга «Сибирский лад» стоит наособицу, в первую очередь по своему содержанию.

Крайне редко мы обращаемся к теме крестьянства, тогда как христианство и крестьянство – вот две силы России, которые на протяжении многих веков составляли основу государства. Христианство духовно окормляло страну, невидимыми нитями, скрепами объединяло её, крестьянство было кормильцем, защитником, крестьянские сыны становились воинами армии и флота. Крестьянство шло на восток, север, за Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, осваивало огромные территории, возделывало новые земли, обживало дикие места, превращая их в житницу страны. Ещё в первой половине XIX века девяносто процентов (!) производительного населения России были представителями крестьянского сословия. Самое старое государственное образование в Европе, берущее начало в середине девятого века, Российская империя практически всю свою историю опирается на крестьянство. Стоит процитировать Ивана Солоневича, его книгу «Диктатура импотентов»: «На территории России разыгрывались величайшие войны мировой истории, были разгромлены величайшие военные могущества и востока, и запада: монгольская империя начала этого тысячелетия (имеется в виду прошлое тысячелетие. – *Прим. авт.*), Польша его середины, шведы Карла XII, Франция Наполеона и Германия Гитлера, параллельно шёл разгром Турции султанов... Русская армия знавала истинно скандальные поражения, но в общем на протяжении одиннадцати веков она как была, так и оставалась сильнейшей армией мира».

Сильнейшая армия мира все эти века пополнялась за счёт крестьянства. Франция, пожалуй, так и не восстановилась, потерпев сокрушительное поражение в войне с Россией. Генофонд был подорван. По словам историка Георгия Митрофанова, французы после попытки покорить Россию даже стали ростом ниже. Навсегда утратила свои амбиции Швеция, получив отпор в Полтавской битве. А Россия, которой приходилось почти всё время вести войны с неуёмными соседями, продолжала накапливать силы.

Крестьянство хранило генофонд страны, веру, язык, национальные традиции. Из крестьянской среды вышли такие поэты, как Сергей Есенин, Пётр Орешин, Николай Клюев, Павел Васильев. Недавно промелькнула информация, что каждые десять секунд в мире звучит музыка Петра Ильича Чайковского. Вдохновение он, как Фёдор Иванович Глинка и другие великие русские композиторы золотого для искусства России XIX века, черпал из народной музыки.

Кто ковал Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, самой кровавой войне в истории страны, да и всего человечества? Конечно, генералитет – армия без командиров ничто. В высшем офицерском корпусе были выходцы из крестьян, среди среднего офицерского звена изрядная доля принадлежала крестьянским сынам. Что уж говорить о рядовом составе. Возникает такой образ. С началом войны из самых глухих деревень потекли ручейки живой силы, они сливались в широкие реки – несметная рать поднялась навстречу жесточайшему врагу, сумела остановить его и разбить наголову. Все четыре года войны армия в основном пополняла свои ряды за счёт крестьянства. В это время деревня, сама недоедая, кормила её. Армия побеждает оружием, которое создаётся руками рабочего класса. В период индустриализации страны тысячи и тысячи крестьян строили заводы, осваивали «городские» профессии, становились рабочими, инженерами, конструкторами. В том числе – великими. Как тут не вспомнить гения ракетной техники Михаила Кузьмича Янгеля, он приехал в Москву из глухой деревни Забайкалья. А сколько подростков в войну из деревень были призваны на заводы.

И это всё из деревни, по которой прошёлся каготок реформ под названием коллективизация, в ходе которых крестьянство ломали через колено. В начале 1930 года крестьянству под видом борьбы с «классовым врагом кулаком» была объявлена война. Пострадали в первую очередь середняки, основа русской деревни, им были уготованы спецпоселения, лагеря ГУЛАГа, расстрельные статьи. Среди репрессированных граждан Советского Союза больше всего было крестьян. И меньше всего страна вспоминает о них, говоря о репрессиях. Не ставятся им памятники, не создаются мемориалы. Безвинно погибшее крестьянство по-прежнему в забвении.

Не поставлены памятники крестьянам, погибшим в лагерях, на спецпоселениях, не водружены они тем, кто вынес на своих плечах коллективиза-

цию, индустриализацию, Великую Отечественную войну, послевоенные годы.

Если взять нынешнюю деревню, картина самая удручающая – тысячи и тысячи деревень оставлены на произвол судьбы. Они вроде бы и есть, но в то же время как бы и не нужны государству. В буквальном смысле: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Число обезлюдивших деревень год от года растёт. Впору в центре Москвы ставить памятник умершей русской деревне.

В последние четверть века появилось немало книг и работ по таким российским сословиям, как дворянство, купечество, духовенство, казачество, офицерство, только крестьянства будто и не было вовсе. Словно не было это сословие самым многочисленным, не было стеной силой государства, той самой несметной ратью в мирном труде и в период военных лихолетий.

Тем уникальна и оригинальна книга «Сибирский лад» (второе её название «История крестьянского рода Просвириных»), что она исключение из общей тенденции.

Ядром книги является работа Т. И. Солодовой «Родословные дороги памяти». В ней рассказывается о крестьянском роде, первые представители которого пришли в Сибирь в XVII веке. В центре исследования, приводимого Т. И. Солодовой, – Пётр Николаевич Просвикин – директор Тобольского предприятия ОАО «Сталь». Он наследник генеалогических корней четырёх родовых сообществ: Просвириных – Мингалёвых – Чусовитиных – Верёвкиных, объединивших на протяжении четырёх веков 1151 человека и 357 семей. Это типичные крестьянские сообщества, генеалогические древа которых росли на сибирской земле. Хлебопашествовали, охотились, рыбачили, строили дома, воспитывали детей, призывались на действительную военную службу, мобилизовались в период войн.

Со всей своей жестокостью прошёлся по роду «век-волкодав» – двадцатый, но выжили, вынесли все тяготы времени.

Об этом увлекательно рассказывает Т. И. Солодова. Пишет на основе архивных материалов, многочисленных бесед с представителями родовых сообществ. В итоге имеем не сухое исследование, а живой увлекательный рассказ, за которым коллективный портрет рода. Как в капле воды отражается океан, так в истории рода – история державы. Поэт сказал: «Людей неинтересных в мире нет, их судьбы – как истории планет». В очерках книги повествуется о жизни людей, потомком которых стал Пётр Николаевич Просвикин.

Конечно, не обо всех представителях крестьянских сообществ Просвиркиных – Мингалёвых – Чусовитиных – Верёвкиных можно что-то сказать, но все заняли своё место на ветвях генеалогического древа.

Книгу «Сибирский лад» можно назвать симфонией, где каждая часть звучит по-своему и в то же время работает на общую идею, которую блестяще реализовал художник книги Иван Лукьянов, реализовал композиционно, воплотил в жизнь подборкой иллюстрационного материала, оригинальным оформлением.

Одна из линий книги представлена фотографией Сергея Михайловича Прокудина-Горского, фотохудожника, который в сотнях и сотнях своих фотографий запечатлел царскую Россию начала двадцатого века. Подвиг Прокудина-Горского можно сравнить с подвигом Владимира Даля с его словарём русского языка. Даль донёс до нас жемчужины языка, Горский – жемчужины видов России, самых разных её уголков (среди них есть и Тобольская губерния), самых разных её жителей, в том числе представителей крестьянского сословия. На фотографиях крестьяне на покосе, жатве, отходном промысле. А ещё многочисленные пейзажи России: поля, луга, реки... Благодаря этим фотографиям книга позволяет читателю «шагнуть» на сто лет назад, увидеть Россию, в которой жил крестьянский род Просвиркиных.

Глядя на эти фото, ещё раз убеждаешься: нет, Россия не была «неумытой», не была «тёмной, отсталой». Уверенные в себе люди, отнюдь не «забитые и задавленные нуждой», красивые, располагающие к себе лица. Среди фото Прокудина-Горского есть десятки видов Тобольска, его окрестностей.

Если уж мы заговорили об изобразительном ряде книги, ещё одна его часть – фото современных видов окрестностей Тобольска, тех мест, где более трёх веков живёт род Просвиркиных. Она представлена работами фотохудожника Аркадия Григорьевича Елфимова. Работы по-своему украшают книгу. Вдохновение фотографа, вызванное красотой окружающего мира, не может не передаться читателю. Высокое небо, величественный Иртыш, поэтичная картина покоса, холодное зимнее солнце. Фотографии дышат простором великой страны, «втягивают» в себя, заставляют раствориться хотя бы на миг в этом великолепии.

Формат книги позволяет давать фотографии полномасштабно. Это тоже особенность издания. В книге значительное место занимает текстовая часть, и в то же время издание включает, если мож-

но так назвать, ряд самостоятельных экспозиций, своего рода выставок, на одной из них представлены фотографии Прокудина-Горского, на другой – Елфимова.

Раздел книги «Крестьянской души узоры» касается поэзии крестьянского труда, крестьянского быта. Да-да, поэзии, как это ни покажется кому-то надуманным и выспренным. О поэзии в жизни крестьянина хорошо сказал в своей книге «Лад» писатель Василий Иванович Белов. Сам круг жизни заставлял крестьянина оставаться в гармонии с природой, в ладу с ней. Природа воспитывала в человеке не только рачительного хозяина, но и входила в его душу неповторимой красотой.

Глядя на фотографии Прокудина-Горского, можно подумать, все они постановочные, его жницы или женщины-косари везли с собой на поля и покосы сундуки нарядов, чтобы предстать в них перед фотообъективом. Оказывается, вовсе нет. Читая описание покоса у Михаила Александровича Шолохова в «Тихом Доне», понимаешь, что не в латанном и перелатанном рванье отправлялись на такие работы крестьяне. Всё должно быть в жизни ладно. Потому и лад. Ладно – это ещё и красиво. Поэтому хорошие хозяева всегда заботились о виде своего дома, украшали жилище внутри и снаружи. Вносили эксклюзив – как обойтись без новомодных слов? – свои отличительные черты в повседневную одежду (о праздничной и говорить не приходится). Украшались посуда, орудия труда, конская упряжь. Вышитые рушники – целое направление крестьянского прикладного искусства. В разделе книги «Крестьянской души узоры» даётся подборка фотографий крестьянской одежды, посуды, скобяных изделий, конных саней, церковных книг и т. д.

Небольшой раздел «Куплю тебе лубков» позволяет почувствовать аромат времени, в котором особой популярностью пользовались вот такие «мультфильмы», такие незамысловатые, с одной стороны, а с другой, имеющие неповторимый русский колорит картинки. Потешные лубки вызывали у читателя улыбку, смех, но и заставляли задуматься. И, что важно (это если сравнить с современными разного рода «картинками»), несли в себе не разрушающий, а созидающий заряд.

В книгу гармонично вписан народный календарь, который сам по себе яркое свидетельство роли православия в жизни крестьянина. Сельский житель из календаря помнил не только Рождество, Пасху и Троицу, но и весь годичный круг, все сельскохозяйственные работы, всю свою жизнь выстраивал на основе церковного календаря.

168

Календарь, в свою очередь, украшен иллюстрациями картин русских художников, воспевающих сельский труд и природу России. Иллюстрациями представлены великие русские художники: А. Г. Венецианов, Г. В. Сорока, М. В. Нестеров, И. Е. Репин, М. К. Клодт, И. И. Шишкин, В. Д. Орловский... Это ещё один видеоряд книги, показывающий внимательному читателю крестьянскую Россию. Если фотографии Прокудина-Горского отправляют нас к началу двадцатого века, то перечисленные выше художники дают возможность заглянуть в девятнадцатый, расширяя временные рамки иллюстративного материала издания.

Раздел, посвящённый непосредственно истории рода Просвиркиных, широко иллюстрирован снимками из семейных альбомов родовых сообществ Просвиркиных – Мингалёвых – Чусовитиных – Верёвкиных. Разглядывая фото, чувствуешь дыхание времени: мужчины рода в форме солдат Первой мировой войны, женщины в соответствующих нарядах. Есть на фото солдаты и офицеры Великой Отечественной войны, представители рода в послевоенные годы, в 60-е, 70-е, 80-е, 90-е годы двадцатого века и первые десятилетия двадцать первого. Прадеды, деды, родители, дети, внуки.

Хочется ещё раз подчеркнуть особенность книги – документальность сочетается с художествен-

ностью, сухая информация архивных данных с очерками о представителях рода, семейные фотографии, снятые безыскусными фотографами, с высокохудожественными пейзажными фото и иллюстрациями с картин великих художников.

Всё вместе создаёт ту самую симфонию, в которой может солировать лиричная скрипка и звучать тревожный марш духовых инструментов, проникновенно петь флейта и призывно трубить труба, а в результате возникает картина, детали которой хороши сами по себе, и в то же время это панорамное полотно.

Авторами книги на примере рода Просвиркиных сделана весьма удачная попытка показать лад жизни сибирского крестьянина. Книга заслуживает самой высокой оценки и своим оригинальным содержанием, и уникальной работой всего авторского коллектива.

Если бы меня спросили, где должен стоять памятник сибирскому крестьянину, я бы ответил: в Тобольске. В городе, ставшем воротами в Сибирь. Через Тобольск шло замирение Сибири, её присоединение к России, освоение.

Знаменательно, что именно в Тобольске создана книга о крестьянстве, книга, которую можно и нужно считать памятником сибирскому крестьянству.

Сергей ДЕОРДИЕВ, г. Омск